

**ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Колядов Дмитрий Михайлович

Прагматика обращения во взаимодействии лицом к лицу

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Головко Е. В.

Санкт-Петербург 2023

Общая характеристика исследования

Диссертационное исследование посвящено прагматике обращений во взаимодействии лицом к лицу. Обращение понимается как языковое средство, осуществляющее референцию к адресату, а адресат — как участник взаимодействия, на которого направлено внимание говорящего и от которого ожидается ответное действие [Goffman 1981: 133]. Работа посвящена описанию того, как различные контекстуальные значения реализуются в конкретной ситуации взаимодействия.

Актуальность темы исследования

Актуальность данного исследования обусловлена фокусом на прагматическом значении обращений, а также выбором ситуации взаимодействия в качестве такого контекста. Неоднократно отмечалось, что в этом аспекте обращения недостаточно изучены на русском материале [Головко 2008: 200, прим. 1; Бурас, Кронгауз 2013: 122–122]. Эти замечания, как представляется, справедливы и сегодня. Публикации на тему обращений в отечественной литературе сравнительно немногочисленны. При этом, как правило, они основаны на письменных (нередко литературных) источниках. Материалы спонтанной речи привлекаются лишь эпизодически и используются скорее в качестве отдельных иллюстраций (см., например, [Айсакова 2008; Жукова 2015; Кронгауз 2004; Формановская 2002]). В этих работах обращения чаще всего рассматриваются в связи с широким социокультурным контекстом, а их значение соотносится с такими понятиями как *сфера общения* (например, семейная, деловая) и *речевая культура*. Они описывают большие совокупности пользователей языка, определяемые на основе объективных характеристик: возраст, гендерная принадлежность, место проживания (город или сельская местность), уровень образования [Айсакова 2008; Крысин 2004]. Что касается речевой культуры, нередко предполагается, что это понятие охватывает всех носителей языка [Гладров 2008; Кронгауз 1999; 2004; Ларина 2009]. Между тем локальный характер значений, которые придаются обращениям в конкретных случаях, остается незамеченным. Это справедливо и для т. н. социальных значений, связанных с идентичностями участников взаимодействия, социальными позициями, отношениями между ними, и для других прагматических значений, связываемых с обращениями, которые остаются слабо исследованными. В связи с этим правомерно задать вопрос: на что участники взаимодействия и исследователи опираются, интерпретируя обращение в конкретном случае тем или иным образом? Именно этот исследовательский вопрос находится в центре внимания представленной работы.

Объектом исследования являются обращения в ситуациях спонтанного речевого взаимодействия.

Предметом является конструирование прагматики обращений участниками взаимодействия.

Целью данной работы является анализ того, как в ситуации взаимодействия участники конструируют значение обращений, на какие семиотические ресурсы они опираются.

Для реализации названной цели определены следующие задачи:

- анализ средств референции к адресату в коммуникативном взаимодействии: рассмотрение референциального выбора с точки зрения прагматической маркированности; реконструирование логики, стоящей за этим выбором; описание действия, которое совершается в конкретном случае;
- определение области референции личных местоимений, отсылающих к адресату и анализ прагматики, стоящей за выбором формы;
- описание социальных значений в локальном контексте — рабочем коллективе — с опорой на наблюдения за рассматриваемым коллективом, представления его членов, сравнения с аналогичными данными из других коллективов;
- описание типов действий, совершаемых при помощи обращений во взаимодействии;
- описание внутридискурсивного функционирования обращения.

Степень научной разработанности темы

С появления классических статей Р. Брауна в соавторстве с А. Гилманом [Brown, Gilman (1960) 1972] и М. Форд [Brown, Ford 1961] обращения остаются одним из наиболее популярных объектов социолингвистических и антропологических исследований. В последние десять лет наблюдается оживление интереса к этой области. Работы по этой теме столь многочисленны, что не поддаются обзору. Так, библиография англоязычных работ по этой теме к середине 1980-х включала 92 наименования [Philipsen, Huspek 1985], а каждая из ежегодных библиографий, которые с 2013 г. размещаются на сайте Международной ассоциации исследователей обращений (International Network of Address Research, INAR), содержит более двух сотен позиций. Если говорить о тенденциях в этой области, то, как отмечают исследователи, она характеризуется отходом от поиска корреляций между языковыми явлениями и социальными признаками говорящих к интерпретации значений на локальном уровне [Norrby, Wilde 2015].

Обращение на русском материале было объектом внимания в ряде статей и монографий, посвященных изучению традиционных лингвистических вопросов: морфология [Даниэль 2009; Parrott 2010; Yadroff 1996], синтаксис [Проничев 1971], лексикография [Балакай 2005], семантика [Гольдин 1987; Янко 2009; 2011], история отдельных обращений

[Сомин, Гриднева 2020; Фуфаева 2020]. Также существуют исследования тем, связанных с прагматикой обращений: социального распределения [Айсакова 2008; Крысин 2004], параметров контекста, определяющих выбор обращения [Corbett 1976: 4, 8–9; Ervin-Tripp 1967: 14–17, 130], закономерностей и тенденций в употреблении обращений в определенных сферах [Бурас, Кронгауз 2013; Жукова 2015; Айсакова 2008], культурных значений [Гладров 2008; Кронгауз 1999; 2004; Ларина 2009], коммуникативных функций [Даниэль 2008; Рыжова 1981; Янко 2010; 2012а; 2012б], в том числе роли просодии [Кодзасов (1998) 2009; Янко 2008: 98–106] и позиции в дискурсе [Блинова 2019].

Методология исследования

Теоретико-методологическую базу данной работы составили разговорный анализ, а также интеракционная лингвистика и мультимодальный анализ, связанные с разговорно-аналитической традицией, и лингвистическая антропология.

Источниковая база исследования

Материалы, составившие эмпирическую базу исследования, можно разделить на несколько категорий: полевые заметки, аудио и видеозаписи, интервью, письменные источники (воспоминания, комментарии в сети Интернет).

Научная новизна диссертационной работы заключается в применении к объекту исследования методов разговорного и мультимодального анализа в сочетании с этнографическими методами. Работа вносит вклад в изучение контекстуальных значений с точки зрения ситуации взаимодействия. При этом контекст рассматривается феноменологически — не как набор заранее заданных параметров (социальные роли, статусы, социальная принадлежность участников), а как динамичная и изменчивая конфигурация семиотических средств, разворачивающаяся здесь и сейчас. Внутридискурсивные функции обращений впервые систематически описываются на русском материале.

Положения, выносимые на защиту:

1. Значение обращения в речи неизбежно содержит прагматический компонент.
2. Прагматика обращений разнородна и не всегда сводится к идентификации адресата посредством референции и привлечению и удержанию внимания. Действие, совершаемое с помощью обращения, может опираться на конвенциональные функции той или иной формы, но не всегда сводится к ней.
3. Существуют как типичные и устойчивые прагматические значения обращений, так и локальные. И в том, и в другом случае прагматика обращения неизвестна заранее. Ее интерпретация требует анализа контекста.

4. Прагматические значения обращений не представляют собой конечного набора. Область значений является открытой и может вбирать в себя новые действия, способы использования, идентичности.
5. Обращение может быть направлено не только на адресата, но и на дискурс, отделяя тематические блоки друг от друга.

Теоретическая значимость работы заключается в описании прагматического значения как такого, которое создается самими участниками по ходу взаимодействия с использованием различных языковых и неязыковых ресурсов.

Практическая значимость работы состоит в том, что отдельные положения диссертации могут быть использованы для подготовки лекционных и семинарских занятий по интеракционной лингвистике, лингвистической антропологии, социолингвистике, анализу дискурса.

Апробация и степень достоверности исследования

Основные положения диссертационного исследования отражены в докладах, представленных автором на VI конференции молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (ЕУСПб, Санкт-Петербург, март 2017), XLVII Международной филологической конференции (СПбГУ, Санкт-Петербург, март 2017), VII конференции молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (ЕУСПб, Санкт-Петербург, март 2018), II научно-практической конференции «Лингвистическая судебная экспертиза: теория и практика» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, апрель 2018), XIII Общероссийской научной конференции «ВДНХ» (ЕУСПб, Санкт-Петербург, ноябрь 2019), Социолингвистическом семинаре (ЕУСПб, Санкт-Петербург, апрель 2018), семинаре отдела теории грамматики (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, июнь 2018), исследовательских и книжных семинарах на факультете антропологии (ЕУСПб, Санкт-Петербург, 2015–2018), семинаре лаборатории антропологической лингвистики (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, июнь 2021).

По теме диссертации опубликовано 5 статей, в том числе 5 — в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ (из них 5 статей в журналах базы SCOPUS).

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в следующих публикациях (общий авторский вклад — 5,7 п. л.):

1. Колядов, Д. М. Обращение как дискурсивный маркер // Вопросы языкознания. 2020. № 6. С. 7–30. (авт. вклад — 1,32 п. л.; Scopus и Web of Science)
2. Колядов, Д. М. Аудитория как участник взаимодействия // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 135–173. (авт. вклад — 2,19 п. л.; Scopus)
3. Колядов, Д. М. Прагматика оскорбления: интеракционный подход к унижению чести и достоинства // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 1. № 15. С. 164–183. (авт. вклад — 1,09 п. л.; Scopus)
4. Колядов, Д. М. Рец. на кн. Charles Goodwin. Co-Operative Action. N.Y.: Cambridge University Press, 2018. 521 p. // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 231–241. (авт. вклад — 0,58 п. л.; Scopus)
5. Колядов, Д. М. Рец. на кн. Catrin Norrby, Camilla Wide (eds.). Address Practice as Social Action: European Perspectives. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 151 p. // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 209–218. (авт. вклад — 0,52 п. л.; Scopus)

Структура диссертации

Диссертация содержит пять глав, введение, заключение, список литературы, приложение.

Во *введении* представлено обоснование актуальности темы исследования, его новизны, а также теоретической и практической значимости, определены объект, предмет, цели и задачи исследования, дан обзор литературы, описаны теоретико-методологическая база и материалы.

В *первой главе* рассматриваются вокативные обращения в перспективе референции и ее коммуникативных функций. Считается, что прагматика или «коммуникативная функция референтных выражений состоит прежде всего в указании на предмет, о котором делается сообщение» [Арутюнова 1982: 20], а смысл референтного выражения или слова выступает как «своего рода инструкция по нахождению референта, выполнить которую предстоит участникам речевого акта» [Падучева 1985: 8–9]. Однако анализ употребления обращений в речи показывает, что характеризующий аспект не всегда работает на идентификацию адресата. Это хорошо видно на примере обращений, которые можно назвать прагматически маркированными, т.е. такими, использование которых представляется необычным в данном контексте, отклоняется от стандартных практик. Такой случай представлен в примере из рабочего собрания сотрудников. На этом собрании в ходе спора по поводу обязанностей сотрудников, одна из участниц обращается к другой с вопросом:

(1) За что я должна отвечать в твоём понимании, директор?

Обращение *директор* в этом примере семантически адекватно, поскольку адресат действительно занимает эту позицию в организации. Однако данное обращение отличается от того, как коллеги в рассматриваемом коллективе обращаются друг к другу: как правило, они взаимно используют имя (в краткой форме, если такая форма возможна). Это обстоятельство побуждает к поиску имплицитного смысла. При этом есть основания полагать, что имплицитный смысл каким-то образом связан с самим термином *директор*. Он указывает на наличие служебных отношений между участниками взаимодействия, а также прав и обязанностей, соответствующих их позициям в коллективе (директор, координатор, педагог, помощник).

Некоторые типы обращений не только выражают характеристики адресата, но и актуализируют отношения между говорящим и адресатом. Это характерно в частности для разного рода ролевых терминов или конвенциональных обращений, связанных с типами ситуаций: *больной, доктор, официант, Ваша честь, мама* и т.п. Такого рода обращения соотносятся не только с референтом, но и с каким-то фрагментом действительности, ситуацией.

Обращения могут отсылать не только к реальной характеристике адресата и фрагменту действительности. Встречаются такие случаи, где обращение оказывается явно семантически неадекватным. Это могут быть как конвенциональные обращения, наподобие употребления терминов родства по отношению к неродственникам (*брат, дочка*), так и окказиональные. В качестве примера можно привести обращение ведущей ток-шоу к гостю, священнику и богослову. Ведущая, говоря о своих затруднениях в выборе обращения к гостю, завершает реплику вопросом:

(2) *Что мне делать? Доктор?*

Представляется, что обращение *доктор* в данном случае отсылает к определенному речевому жанру — анекдоту. Одним из типичных анекдотических сюжетов является визит пациента к врачу. При этом если в анекдоте обращение *доктор* как правило оказывается избыточным, то в рассматриваемом эпизоде без такого обращения связь вопроса *Что мне делать?* с соответствующим типом анекдотов не выглядит очевидной. Если говорить о прагматике этого обращения, можно интерпретировать его как шутку, направленную на поддержание взаимодействия в целом.

Такие случаи, по-видимому, встречаются не очень часто, тем не менее они важны, поскольку показывают, что выбор имени нарицательного (именной группы, описательной конструкции) не связан с идентификацией адресата на основании его характеристик.

Одновременно такие употребления показывают, что интерпретация прагматики референциального выражения может опираться на его семантику.

Во *второй главе* рассматриваются различные способы невокативной референции к адресату. Эта область значений обычно описывается в терминах личного дейксиса, т. е. ролей собеседников в разговоре. Категория обращения традиционно соотносится со 2-м грамматическим лицом, которое используется для указания на роль адресата, и противопоставляется 1-му лицу и роли говорящего. В главе рассматриваются случаи референции к адресату в 3-м лице и 1-м лице множественном числе, а также демонстрируется, что формы 1-го и 2-го лица множественного числа, включающие адресата, не всегда могут быть описаны в терминах личного дейксиса.

Типичным контекстом, в которых употребляются формы 3-го лица, являются ситуации взаимодействия с участием более двух человек, которые в той или иной степени можно считать формальными или заранее регламентированными: имеющими определенные цели, правила, структуру ролей. Эта структура включает в себя по крайней мере три позиции: ведущего (модератора, председательствующего), который отвечает за регулирование хода взаимодействия, отдельных выступающих и аудиторию. Примером может быть групповое занятие, в котором ведущий передает слово одному из участников:

(3) Ну и с планами на сегодняшний день нас познакомит Таня.

В подобных случаях можно увидеть ориентацию на аудиторию как отдельного участника. Употребление формы 3-го лица, позволяет сконструировать коммуникацию таким образом, что реплика оказывается не обменом между говорящим и непосредственным адресатом в присутствии других, а частью общего взаимодействия, в которое тем самым оказываются включены все участники.

Другим типичным контекстом, в котором употребляются обращения в 3-м лице, являются случаи конфликтной коммуникации.

(4) Нет, ну вы посмотрите на него!

В них использование формы 3-го лица предполагает «экспозицию» адресата — вынесение его действий, вызвавших недовольство говорящего, на обозрение реальной или воображаемой аудитории (ср. [Человеческий фактор 1992: 206; Шахматов 2001: 264]). Аналогичным образом могут быть описаны встречающиеся в речи угрозы и замечания, такие как

(5) Сейчас кто-то договорится!

В этих случаях направленность адресации может быть очевидной из контекста, что позволяет использовать неопределенно-личные местоимения. Более того, референция может

осуществляться метонимически — без каких-либо местоименных форм или глагольных показателей 3-го лица, отсылающих к адресату:

(6) Что за звуки я слышу?!

Более сложный случай представляет собой косвенная адресация, предположительно имеющая место в тех ситуациях, где высказывание имеет непосредственного адресата, однако при этом оказывается направлено или «нацелено» на еще одного участника. Проблема состоит в том, что в ситуациях, где участников больше двух и где нет явного назначения говорящего уполномоченным лицом или побуждающих к действию реплик, не всегда легко бывает отличить отсылки к присутствующим, которые предположительно содержат адресацию, от таких, которые где она предположительно не подразумевается. Одним из возможных ответов на этот вопрос является ориентация на действия самих участников: на то, распознают ли они сами высказывание, содержащее отсылку в 3-м лице, как адресованное или неадресованное [Levinson 1988: 213–216].

Также к обращениям могут быть отнесены некоторые употребления форм 1-го лица множественного числа:

(7) Открываем тетради, записываем.

Хотя в литературе их и называют формами совместного действия, очевидно, что в подобных случаях совместность не предполагается: действие совершает только адресат или адресаты.

Также в главе рассматриваются случаи, где область референции форм 1-го и 2-го лица множественного числа выходит за пределы круга участников взаимодействия. Такие формы могут указывать на принадлежность адресата к группе (постоянной или возникшей ситуативно), организации, категории:

(8) ты [= адресат] гришь- //вы [= те участники разговора, которые вместе с адресатом, придерживаются определенной точки зрения] грите за пять ребят в твоей группе.

(9) И сейчас пришла к вам [= к адресату как к представителю организации], да, как к главной такой градообразующей компании.

По ходу взаимодействия область референции форм множественного числа может меняться. При этом говорящий может использовать как 2-е, так и 1-е лицо, включая себя в одни категории с адресатом или противопоставляя себя. Совершая референциальный выбор в конкретном случае говорящий может не только указывать на реальное положение дел, но и одновременно совершать другие действия: брать или делегировать ответственность, управлять ходом взаимодействия, вступать с адресатом в конфликт.

Третья глава посвящена социальным значениям, которые приписываются разным типам обращений, противопоставляемым друг другу: на ты и по имени в краткой форме, на вы и по имени и отчеству и т.д. Эти значения рассматриваются на примере практик обращения в некоммерческой организации, работающей с детьми и взрослыми с тяжелыми множественными нарушениями и их семьями. В ходе наблюдений были установлены следующие закономерности:

- в большинстве случаев сотрудники внутри подразделений организации (различных центров и программ) обращались друг к другу на ты и по имени в краткой форме (если ее использование было возможно); при этом тенденция к взаимному *ты* ослабевала в общении между сотрудниками разных подразделений друг с другом (скажем, при контактах работников семейной программы с сотрудниками бухгалтерии и отдела кадров или во взаимодействии с сотрудниками НКО, работающими в интернатах);

- подопечные (взрослые и дети с инвалидностью) и сотрудники обращались друг к другу на ты и по имени в краткой форме (если ее использование было возможно);

- в большинстве случаев между сотрудниками организации и родителями подопечных использовалось взаимное обращение на вы (нередко с использованием краткой формы имени).

С внешней стороны эти тенденции можно интерпретировать в терминах принадлежности и непринадлежности к группе. Выбор между *ты* и *вы* указывает на границу, отделяющую сотрудников от родителей подопечных, и на границы между различными подразделениями или в рамках подразделений, отчасти описывая также отклонения от названных закономерностей (например, взаимное ты между поваром и остальными сотрудниками одного из центров можно понять как указание на отделенность позиции повара от непосредственной работы с подопечными). Эти тенденции можно считать локальными, хотя и не уникальными для конкретной НКО. Аналогичные закономерности могут прослеживаться и в других организациях. Однако невозможно сказать заранее, будет ли значение принадлежности/непринадлежности актуально в конкретном случае. Для этого требуется этнографическая информация: прежде всего, наблюдения и интервью с членами изучаемого сообщества.

Вместе с тем представления членов сообщества свидетельствуют о том, что внешняя интерпретация в терминах принадлежности/непринадлежности может быть не единственной: участники сообщества также говорят о выражении близости, установлении и поддержании личных границ, иерархических отношениях. Эти представления о значениях, уместности употребления тех или иных форм, границах сообщества, не всегда разделяются всеми

членами конкретной группы. Более того, объяснения того, почему в том или ином случае была употреблена конкретная форма обращения могут зависеть от контекста: адресата, ситуации, целей коммуникации. Так, например, один из информантов объяснял своему руководителю, с которым отказывался переходить на ты, что обращается к директору на *вы* поскольку тот старше его, а также обеспечивает его работой и платит зарплату. В интервью же информант говорил о том, что руководитель не близкий для него человек.

В *четвертой главе* обращение описывается как действие. В главе демонстрируется, что с этой точки зрения исчерпывающее описание обращений в рамках одного подхода не представляется возможным. Так, теория речевых актов в версии Дж. Р. Серля [Серль 1986 а,б] позволяет описать функцию привлечение внимания (обращение как директив) и выражение психологического отношения говорящего к адресату (обращение как экспрессив). Теория вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987] дает возможность интерпретировать обращения как средства конструирования или изменения социальной дистанции между участниками. Обращения могут использоваться как для поддержания позитивных и негативных социальных лиц участников, так и угрозы им. Поддержание негативного лица предполагает использование формальных обращений (вежливых местоимений, титулов и званий, обращений по имени и отчеству) или избегание обращений. Поддержание позитивного лица, напротив, предполагает обращение на ты, использование терминов, подчеркивающих солидарность (*брат, дружище, земляк*, обращение с использованием краткой формы имени и т. п.), в каких-то случаях ритуальных оскорблений между членами группы.

Существуют и другие типы действий, которые не охватываются теорией вежливости: случаи, когда говорящий пытается воздействовать на адресата тем или иным образом. Так, например, обращение к незнакомцу *брат, друг* предполагают взаимность и близость отношений между обращающимся и адресатом. Отклик адресата ставит его в позицию близкого человека (друга, родственника) по отношению к обратившемуся и это как бы накладывает на адресата обязательства. Другим примером воздействия может быть использование личного имени клиента в непосредственном или опосредованном взаимодействии в сфере обслуживания. Такое использование может быть описано как конструирование личного отношения к клиенту.

Еще один аспект обращений как действий связан с организацией диалога, которая описывается в конверсационно-аналитической традиции. В ней обращение рассматривается в контексте последовательности реплик в диалоге. Оно может инициировать взаимодействие, использоваться для передачи слова собеседнику или, наоборот, для того, взять слово. Также

обращение может указывать на несогласие адресата с говорящим, появляясь в начальной позиции в ответной реплике.

В *пятой главе* развивается тема управления ходом диалога. В ней рассматриваются фрагменты этнографических интервью, в которых появление обращения не объясняется привлечением внимания или выражением вежливости. Анализ показывает, что в этих фрагментах обращения оказываются между тематически различающимися последовательностями реплик и, соответственно, их появление в начальной позиции новой последовательности указывает на смену темы.

В *заключении* изложены общие выводы диссертационного исследования. Конструирование (участниками) и реконструирование (исследователем) прагматики обращения в конкретных случаях предполагает опору на собственно языковые свойства: лексические и грамматические значения, семантические и прагматические пресуппозиции, конвенции употребления. Семантическая недоопределенность личных местоимений дает возможность для конструирования в дискурсе различных категориальных принадлежностей адресата (а также включения или невключения в них говорящего). Опциональность и синтаксическая свобода обращений делают возможными их использование в качестве маркеров дискурса. В прагматически немаркированных употреблениях релевантные аспекты идентичности адресата и определения ситуации передаются на уровне семантики. Отклонения от привычного употребления побуждают к поиску дополнительного смысла, а семантика терминов обращения в этих случаях дает направление для его интерпретации. Но сами по себе языковые свойства обращений являются лишь одним из семиотических ресурсов, имеющихся в ситуации. Они переплетаются с прочими ресурсами — просодическими сигналами, последовательностью действий, пространственным расположением участников, деятельностью, которой они заняты, материальным окружением. Все вместе эти ресурсы представляют собой тот динамичный контекст, в котором происходит взаимодействие и на фоне которого каждый раз заново интерпретируются действия участников. Сказанное позволяет утверждать, что прагматические значения имеют системный характер. Однако системой в этом случае оказывается не лексический или грамматический класс, а разнообразные семиотические ресурсы, которые составляют контекст ситуации и на которые опираются участники взаимодействия.

Литература

- Айсакова, Е. А. Социальная и социокультурная дифференциация обращений в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Айсакова Елена Алексеевна. — М.: МГПУ, 2008. — 200 с.
- Арутюнова, Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Под ред. Н. Д. Арутюновой. — М.: Прогресс, 1982. — С. 5–40.
- Балакай, А. А. Этикетные обращения: функционально–семантические и лексикографические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Балакай Анна Анатольевна. — Новокузнецк, 2005. — 241 с.
- Блинова, О. В. Позиционные свойства русских усеченных обращений и дискурсивных маркеров типа слушай / О. В. Блинова // Acta Linguistica Petropolitana. — 2019. — Т. 15. — №. 3. — С. 185–204.
- Бурас, М. М., Кронгауз, М. А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика / М. М. Бурас, М. А. Кронгауз // Вопросы языкознания. — 2013. — №. 2. — С. 121–131.
- Гладров, В. Система обращения в русском и немецком языках / В. Гладров // Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday / Edited by J. Lindstedt et al. — Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008. — P. 38–48.
- Головко, Е. В. Этнография речи как искусство / Е. В. Головко // Natales grate numeras?: Сборник статей к 60–летию Георгия Ахилловича Левинтона // Под ред. . — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2008. — С. 199–205.
- Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. — 127 с.
- Даниэль, М. А. Звательность как дискурсивная категория / М. А. Даниэль // Грамматические категории в дискурсе. Т. 4 / Под ред. В. А. Плунгяна, В. Ю. Гусева, А. Ю. Урманчиевой. — М.: Гнозис, 2008. — С. 439–466.
- Даниэль, М. А. Новый русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел–2009. — С. 224–244.
- Жукова, Т. С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Жукова Татьяна Сергеевна. — М.: РГГУ, 2015. — 232 с.
- Кодзасов, С. В. Просодия обращений / С. В. Кодзасов // Исследования в области русской просодии / С. В. Кодзасов. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — С. 161–174.

- Кронгауз, М. А. Обращения, как способ моделирования коммуникативного пространства / М. А. Кронгауз // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Наука, 1999. — С. 124—134.
- Кронгауз, М. А. Русский речевой этикет на рубеже веков / М. А. Кронгауз // Russian Linguistics. — 2004. — Т. 2. — №. 28. — С. 163—187.
- Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое / Л. П. Крысин. — М.: Языки славянских культур, 2004. — 888 с.
- Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно–прагматический подход / Н. И. Формановская. — М.: Русский язык, 2002. — 216 с.
- Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 507 с.
- Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. — М.: Наука, 1985. — 271 с.
- Проничев, В. П. Синтаксис обращения на материале русского и сербохорватского языков / В. П. Проничев. — Л.: ЛГУ, 1971. — 88 с.
- Рыжова, Л. П. Коммуникативные функции обращения / Л. П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единиц / Под. ред. С. А. Сусовой. — Калинин: КГУ, 1981. С. 76–85.
- Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Под ред. Б. Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986а. — С. 151–169.
- Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Под ред. Б. Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1986б. — С. 170–194.
- Сомин, А. А., Гриднева, Е. М. Обращение Господа в исторической перспективе / А. А. Сомин, Е. М. Гриднева // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2020. — №. 4. — С. 91–107.
- Фуфаева, И. В. История появления в русском языке дружеских обращений старина и старик / И. В. Фуфаева // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2020. — №. 4. — С. 108–117.
- Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т.В. Булыгина. — М.: Наука, 1992. — 280 с.
- Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 620 с.

- Янко, Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 311 с.
- Янко, Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции [Электронный ресурс] / Т. Е. Янко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог 2009 по компьютерной лингвистике и ее приложениям — 2009. — С. 574–579. — Режим доступа: <<https://www.dialog-21.ru/media/1639/89.pdf>> [Дата последнего обращения: 10.01.2023].
- Янко, Т. Е. Обращения в структуре дискурса / Т. Е. Янко // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах / Под ред. Н. Д. Арутюновой. — М.: Индрик, 2010, С. 456–468.
- Янко, Т. Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей / Т. Е. Янко // Язык и речевая деятельность. — 2011. — №. 11. — С. 239–255.
- Янко, Т. Е. Коммуникация vs. номинация: анализ русских вокативов / Т. Е. Янко // Когнитивные исследования языка / Под ред. — 2012а. — №. 12. — С. 155–165.
- Янко, Т. Е. Вокативные стратегии в диалоге: проблема именования слушающего / Т. Е. Янко // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2012б. С. 473–484.
- Brown, R., Ford, M. Address in American English / R. Brown, M. Ford // The Journal of Abnormal and Social Psychology. — 1961. — Vol. 62. — №.2. — P. 375–385.
- Brown R., Gilman, A. The Pronouns of Power and Solidarity / R. Brown, A. Gilman // Language and Social Context / Edited by P. P. Giglioli. — Harmondsworth: Penguin, 1972. — P. 252–282.
- Brown, P., Levinson, S. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 345 p.
- Corbett, G. Address in Russian / G. Corbett // Journal of Russian Studies. — 1976. — № 31. — P. 3–15.
- Ervin-Tripp, S. Sociolinguistics / S. Ervin-Tripp. — Berkeley: Language–Behavior Research Laboratory of the University of California, 1967. — 145 p.
- Goffman, E. Footing / E. Goffman // Forms of talk / E. Goffman. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. — P. 124 — 159.
- Levinson, S. C. Putting linguistics on a proper footing: Explorations in Goffman's participation framework / S. C. Levinson // Goffman: Exploring the interaction order / Edited by P. Drew, A. Wootton. — Oxford: Polity Press, 1988. — P. 161 — 227.

Norby C., Wide C. Introduction: Address as Social Action Across Cultures and Contexts // Address Practice as Social Action: European Perspectives / Edited by C. Norrby, C. Wide. — Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2015. — P. 2–12.

Parrott, L. A. Vocatives and other direct address forms: A contrastive study / L. A. Parrot // Oslo Studies in Language. — Vol. 2. — №. 1. — P. 211–229.

Philipsen G., Huspek M. A Bibliography of Sociolinguistic Studies of Personal Address / G. Philipsen, M. Huspek // Anthropological Linguistics. — 1985. — Vol. 27. — №. 1. — P. 94–101.

Yadroff, M. Modern Russian vocatives: a case of subtractive morphology / M. Yadroff // Journal of Slavic Linguistics. — 1996. — Vol.4 — P. 133–153.